

Эй, как тебя!.. Новичок... как твоя фамилия?

Буланин вздрогнул и поднял глаза. Перед ним, заложив руки в карманы панталон, стоял рослый воспитанник и рассматривал его сонным, скучающим взглядом.

Внимание его привлекли большие металлические пуговицы, пришитые в два ряда на курточке Буланина.

Ишь ты, какие пуговицы у тебя ловкие, — сказал он, трогая одну из них пальцем.

О, это такие пуговицы... — суетливо обрадовался Буланин. — Их ни за что оторвать нельзя. Вот попробуй-ка!

Старичок захватил между своими двумя грязными пальцами пуговицу и начал вертеть её. Но пуговица не поддавалась. Воспитанник оставил пуговицу, поглядел на свои пальцы, где от нажима острых краёв остались синие рубцы.

Скоро вокруг Буланина, в углу между печкой и дверью, образовалась довольно густая толпа. Тотчас же установилась очередь. «Чур, я за Базуткой!» — крикнул чей-то голос, и тотчас же остальные загадели: «А я за Миллером! А я за Утконосом! А я за тобой!» — и покамест один вертел пуговицу, другие уже протягивали руки и даже пощёлькивали от нетерпения пальцами.

Но пуговица держалась по-прежнему крепко.

Позовите Грузова! — сказал кто-то из толпы.

Тотчас же другие закричали: «Грузов! Грузовъ» Пришёл Грузов, малый лет пятнадцати, с жёлтым, испитым, арестантским лицом, сидевший в первых двух классах уже четыре года, — один из первых силачей возраста. Ему объяснили, зачем его звали. Он самоуверенно взялся за пуговицу и стал её с ожесточением крутить. Однако, несмотря на то что он прилагал всё большие и большие усилия, пуговица продолжала упорно держаться на своём месте. Тогда, из боязни уронить свой авторитет перед «малышами», весь красный от натуги, он упёрся одной рукой в грудь Буланина, а другой изо всех сил рванул пуговицу к себе. Пуговица отлетела с мясом, но толчок был так быстр и внезапен, что Буланин сразу сел на пол. На этот раз никто не рассмеялся.

Может быть, у каждого мелькнула в это мгновение мысль, что и он когда-то был новичком, в такой же курточке, сшитой дома любимыми руками.

Буланин поднялся на ноги. Как он ни старался удержаться, слёзы всё-таки покатились из его глаз, и он, закрыв лицо руками, прижался к печке.

Эх ты, рёва-корова! — произнёс Грузов презрительно, стукнул новичка ладонью по затылку, бросил ему пуговицу в лицо и ушёл своей разгильдяйской походкой.

Ночью, когда шум совершенно прекратился, когда отовсюду послышалось глубокое дыхание спящих, прерываемое изредка сонным бредом, Буланину сделалось невыразимо тяжело. Тонкая, глубокая нежность и какая-то болезненная жалость к матери переполнили сердце Буланина. Он вспомнил также сегодняшнюю историю с пуговицей и покраснел, несмотря на темноту. «Бедная мама! Как старательно пришивала она эти пуговицы, откусывая концы нитки зубами. С какою гордостью во время примерки любовалась она этой курточкой, обдёргивая её со всех сторон...» Буланин почувствовал, что он совершил сегодня утром против неё нехороший, низкий и грусливый поступок, когда предлагал старичкам оторвать пуговицу.

Он плакал до тех пор, пока сон не охватил его своими широкими объятиями... Но и во сне Буланин долго ещё вздыхал прерывисто и глубоко, как вздыхают после слёз очень маленькие дети.

(По А. И. Куприну*)

* *Куприн Александр Иванович (1870-1938) — известный русский писатель, переводчик.*